

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393
EDN: UCHZCD

**ПОЛИСТАДИАЛЬНОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО РОМАНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «АЙСАНАТ» А. УРУСОВОЙ)**

Фатима Таулановна Узденова¹, Тахир Зейтунович Толгурев²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Аннотация. Исследованы предпосылки формирования и развития советского романа начального периода (мультиперсонажные, мультилинейные, романы-хроники, др.), эволюционные и трансформационные тенденции, структурно-содержательные компоненты. Становление в первые десятилетия советской действительности новой матрицы культурного состояния обусловило и особую форму крупноформатной прозы, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы. Сказанное напрямую относится к произведениям северокавказских авторов, в том числе карачаевской писательницы А.М. Урусовой. Ее роман-диология «Айсанат» – автобиографическое произведение, официально датируемое 70–80-ми гг. XX в., однако по ряду признаков можно утверждать, что текст романа создавался на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период: в пользу последнего свидетельствует наличие примет романа-хроники, бывшего в тренде советской литературы 30-х гг. XX в. Кроме того, нарратив романа отмечен сочетанием фрагментов и сюжетных периодов с отличающимися хронологическими статусами – от линейного и единообразного хронологического течения до темпоральных систем, сформированных из элементов различной хронологической локализации. При этом временные характеристики эстетического текста являются, по мнению авторов статьи, одним из существенных критериев его этапной принадлежности.

Ключевые слова: А.М. Урусова, роман «Айсанат», нарратив, советская идеология, структурно-содержательный компонент, полистадиальность, темпоральность, эволюция.

Для цитирования: Узденова Ф.Т., Толгурев Т.З. Полистадиальность и темпоральность карачаево-балкарского романа (на материале диологии «Айсанат» А. Урусовой) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 380-393. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393. EDN: UCHZCD.

© Узденова Ф.Т., Толгурев Т.З., 2025

Original article

**POLYSTADIALITY AND TEMPORALITY
OF KARACHAY-BALKAR NOVEL
(BASED ON A. URUSOVA'S DILOGY "AISANAT")**

Fatima T. Uzdenova¹, Takhir Z. Tolgurov²

¹ Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academ of Sciences, Nalchik, Russia, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Abstract. The article examines the preconditions for the early Soviet novel's formation and development (multi-character, multi-linear, chronicle novels, etc.), its evolutionary and transformative tendencies, and its structural and substantive components. The emergence of a new cultural matrix in the first decades of Soviet reality also determined a unique form of large-format prose, characterized by a combination of utilitarian, ideological, and revolutionary-educational texts of the early Soviet era with the qualities of a fairly well-developed literature. This applies directly to the works of North Caucasian authors, including the Karachay writer A.M. Urusova. Her novel-dilogy "Aisanat" is an autobiographical work, officially dated to the 1970s and 1980s. However, a number of indicators suggest that the novel's text was created over a long period, with some of it occurring in the pre-war period. This latter is supported by the presence of the chronicle novel's features, a trend in Soviet literature in the 1930s. Furthermore, the novel's narrative is marked by a combination of fragments and plot periods with differing chronological statuses – from a linear and uniform chronological flow to temporal systems formed from elements of varying chronological localization. Moreover, the authors of the article believe that the temporal characteristics of the aesthetic text are one of the essential criteria for its historical affiliation.

Keywords: A.M. Urusova, novel "Aisanat," narrative, Soviet ideology, structural and substantive component, polystadiality, temporality, evolution.

For citation: Uzdenova F.T., Tolgurov T.Z. Polystadiality and temporality of Karachay-Balkar novel (based on A. Urusova's dilogy "Aisanat"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 380-393. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393. EDN: UCHZCD.

© Uzdenova F.T., Tolgurov T.Z., 2025

Введение

Первые десятилетия развития советской прозы ознаменовались появлением крупноформатных произведений особого типа, отмеченных сюжетной мультилинейностью и огромным количеством персонажей. Считалось, и было общепринятым, что роман представляет собой продвинутую модифицированную форму сборника отдельных рассказов либо новелл [Шкловский 1929: 83–84]; долгое время подобная точка зрения даже не оспаривалась. Роман есть сборник новелл, объединенных общими героями – постулат раннего советского литературоведения, послуживший причиной написания огромного количества сюжетно рыхлых, многоперсонажных произведений, в которых каждый герой мог быть связан с остальными весьма эфемерными нитями.

Прозаики и поэты Северного Кавказа осознанно и целенаправленно строили свои произведения в соответствии с теоретическими воззрениями, господствовавшими в это время в большом российском литературоведении, что автоматически означало предпочтение многофигурных, многоперсонажных романов, герои которых жили и действовали в отдельных, иногда – практически независимых хронопространственных областях.

Это была основная причина широкого распространения романа-хроники, романа-репортажа, очеркового романа – можно назвать как угодно, главное – это произведение без достаточно глубокой и детальной проработки главных сюжетных линий и главных героев, но зато отмеченное чрезмерным вниманием к второстепенным лицам и второстепенным сюжетным линиям. Этот воздействующий фактор был тесно связан, точнее, был институционально зависим от причин вне-литературного характера. Еще в конце 20-х гг. XX в. ситуация в молодой советской стране приобрела вполне определенный характер, продиктованный идеологическими и политическими устремлениями правящей верхушки государства.

Реальные шаги государства началом своим имели последние годы НЭПа: «...В 1928 г., после острых дискуссий, постановлением СНК РСФСР в рамках Наркомпроса был создан специальный орган «идеологического руководства в области литературы и искусства» – Главное управление по делам литературы и искусства... В числе его задач – выработка директив по управлению областями искусства, информирование ЦК ВКП (б) о проблемах и отклонениях от линии правящей партии» [Головкина 2012: 3].

Воспоследовавшая вскоре дискуссия о функциональной роли литературы и ее позиции в ситуации обострившейся идеологической борьбы, как это официально называлось, на самом деле – гонений на государственном уровне на любые проявления альтернативных идеологических позиций – в конце концов, расставила все точки над *и*. Оформившись в виде оппозиции эстетического и политического подходов в понимании роли литературы, дискуссия пришла к заведомо известному итогу. «...При обсуждении вопросов критики необходимо избежать всякой путаницы и мнимых проблем... Характер нового этапа определяется одним основным фактом – огромными победами партии на путях строительства социализма, победами, которые подводят нас вплотную к бесклассовому обществу и положили начало социалистическому благосостоянию. Одним из первых результатов этих побед был окончательный переход советской интеллигенции и советской литературы на позиции партии. Этот переход был закреплен историческим решением 23 апреля 1932 г. (23 апреля 1932 г. ЦК партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» – уточ. – Ф.У., Т.Т.)...» [Мирский 2014: 282].

Более откровенной апологии политической функции литературного искусства, оправдывающей социальную, идеологическую нагрузку, которую должно проводить в массы и в жизнь авторам новой социалистической словесности, представить себе трудно. Российская литература действительно тяготела к острой социальности и расстановке идеологических акцентов – даже история работы над таким хрестоматийным произведением, как «Муму», в ходе которой Тургенев пошел на резкое ужесточение концовки реальной истории, говорит о многом [Добин 1956: 112]. Основная проблематика, связанная с переменами в действительности, решалась в этих произведениях в плане откровенного, упрощенного сюжетного противопоставления прошлого и настоящего» [Панеш, Шаззо 2018: 167].

Обсуждение и результаты

Не столь грандиозные, как общеклассовые социальные эксперименты, региональные и локальные начинания, нацеленные на решение конкретных задач и реформы ментальности и мировосприятия личности, были не менее действенны в смысле формирования новых стандартов, напрямую взаимодействуя с нормами этнического, гендерного, статусного плана, а также с нормами обычного права. Так, в ряде регионов Северного Кавказа несколько кампаний ярко выраженного социетально-идеологического характера стартовали еще в середине 20-х гг. Сюда можно отнести и борьбу с медресе, и насильтственный набор курсантов в ленинский учебный городок, и кампанию «пальто горянке».

Соответственно огромное количество кампаний и профильная работа по идеологическому обустройству, проводимая в совершенно различных направлениях, должны были иметь своих литературных героев. В попытках охватить все многообразие релевантных с точки зрения политического взгляда героев-актантов писатели дробили общий нарратив своих произведений, разбивая их на мелкие сюжетные блоки, не оснащенные ни собственным временем, ни собственным топосом, – у большинства писателей довоенной поры попросту не было того уровня профессионализма, который позволял бы им создавать действительно полисюжетные тексты высокого художественного качества. Это свойство ранней советской прозы отмечал тот же Святополк-Мирский [Святополк-Мирский 2006: 201]. Если у русских авторов многофигурные и многолинейные сюжеты удавались, у каждого, естественно, в разной степени, то для национальных писателей это зачастую оборачивалось сюжетными перебивами, незавершенностями, сбоями и слабой взаимосвязанностью отдельных фабульных траекторий. Даже лучшие представители периферийной прозы не избежали ошибок ученичества – по крайней мере в текстах, созданных в довоенный период. Хотя следует признать, что в аспекте «освоения» историко-культурных достижений и воссоздания сложных периодов в истории народа они, бесспорно, были первопроходцами. «...Практически каждое из этих произведений в свое время несло с собой определенные завоевания, прокладывало новые шаги в освоении действительности, реалистических традиций, изображении характеров и событий, тем самым внося посильный вклад в становление национальной литературы. Без той предварительной работы, не лишенной изъянов и недостатков, не пройдя естественных болезней роста, абазинская словесность не обрела бы эстетической дееспособности» [Чекалов 2025: 244]. Сказанное, с определенными допущениями, можно экстраполировать практически на все северокавказские литературы. Вместе с тем, относительно литературы депортированных народов «... логично было ожидать, что предвоенные годы, ставшие начальной точкой отсчета северокавказского романа, и эволюционное содержание которого было прервано войной и репрессиями, должны были дать обществу образцы крупного формата, написание которых в основном не было закончено в 1930–1940-е гг. (за исключением отдельных текстов – уточ. Ф.У., Т.Т.), в результате чего они были продолжены уже после войны и даже в постдепортационный период» [Узденова, Толгиров 2024: 94]. Собственно, это и породило особую форму крупноформатной прозы, в принципе, не имеющей официального определения в науке, атрибутивным признаком

которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы с соответствующим уровнем текстуального воплощения.

Текст романа-дилогии «Айсанат» А. Урусовой в этом смысле достаточно доказателен – многие составляющие повествования бесспорно видятся прерогативой развитой в эволюционном отношении прозы. Это вполне определенный комплекс архитектонических и образных особенностей, однозначно указывающий на принадлежность идиостиля автора третьему эволюционному периоду развития новописьменных литератур, обычно относимого к 70-м – середине 80-х гг. XX в. Анализ этих черт – проблема несколько иного плана, нежели та, которую мы в данный момент рассматриваем. В координатах же настоящего исследования особо значимым представляется то, что одним из показателей нарратива романа можно считать «существование» элементов разноэволюционного статуса.

Общая схема сюжетного построения прозаического текста может служить своеобразным идентификатором его места и статуса в общем пространстве развития прозаического мышления. С этой точки зрения роман карачаевской писательницы А. Урусовой «Айсанат» [Урусова 1987] представляет собой весьма интересный образец смешения параметров и маркеров различного эволюционного статуса: содержит в себе элементы агитационно-просветительской эстетики начальных этапов развития советских национальных литератур, соответствующей концептуалистики и мышления. Она же включает в себя вполне развитые структуры второго условного этапа в режиме форсированного (ускоренного) развития, характеризующегося многочисленными экскурсами в ассоциативное поле этнической культуры, частые формулировки национальных проблем – в целом все признаки отхода от сугубо идеологического освещения описываемого, включая даже применение специфических структур национального происхождения.

Знание о долговременном характере работы над романом – приблизительно с конца 30-х гг. XX в. и до момента его публикации в 80-х, позволяют предполагать наличие в его составе элементов разного временного происхождения, что дает нам особую возможность его оценки. Как прозаический текст он может быть рассмотрен – в одном из своих аспектов – в условно-формальной плоскости. Это параметр, показывающий степень предварительной апперцептивной готовности автора к тому или иному темпоральному представлению и образному развитию сюжета.

В связи с этим упомянем о возможных разновидностях сюжета: сюжет романа от лица главного героя без явного присутствия хронологических переходов; сюжет романа от лица автора-нарратора; сюжет романа, развернутый от первого лица с присутствием дополнительного героя и описанием его; сюжет, разворачиваемый от лица автора, развивающий линии главного героя и дополнительного лица и других различных сюжетно-линейных и темпоральных типов.

В случае с текстом А. Урусовой сюжет, раскрываемый от первого лица, справедливо определить первичным. Подобный сюжет – не ветвящийся, не кольцевой, прямой последовательный линейный сюжет – исходная форма, а такая же по своей архитектуре линия, ведущаяся от лица автора, – вторичная.

Рассмотрим основные сюжетостроительные стратегии на материале 2-й книги романа-дилогии. Так как роман разбит на тридцать пять глав и эпилог, мы проанализировали все эти главы и получили дюжину фрагментов сюжета и попытались определить их типологию. Для выборки эпизодов, связанных с формированием очередных линейных построений, применен метод случайного отбора.

Насколько оправдан и правомочен подобный метод в отношении романа А. Урусовой? Если наша цель – выявление эволюционных модификаций нарратива по ходу его развития, то вполне оправдан. Мы исходим из того, что при объективном характере описания окружающего без привлечения личности нарратора сюжетные линии различных героев будут, фактически, независимы друг от друга. Собственно, это мы и наблюдаем в крупноформатной прозе довоенного периода. С развитием прозаического мышления советские авторы постепенно переходили на построение сюжета, так или иначе связанного в единое целое: первоначально – образом главного героя, затем – личностью автора. При этом мы полагаем, что автор и нарратор это один действующий и воспринимающий субъект. В целом и общем осложнения сюжетного строения текста закономерно ведут к осложнению архитектоники и к появлению альтернативных точек описания окружающей реальности – не в смысле их идеологической и философской дифференциации, а просто в пространственно-временном континууме. По мере развития писательских техник это становится все более и более явным, но чаще всего интерпретируется с точки зрения мировоззренческих изменений при описании среды. Так, у большинства исследователей современной литературы пространственно-временные центры – при их множественности – оцениваются в качестве разрывов единой хронотопической протяженности и списываются на внутренние психологические комплексы и изъяны героя произведения, либо объективного наблюдателя, как правило, автора, коим в подобных случаях присваивается статус носителя модернистского миросозерцания и мироощущения [Кралечкин 2018: 35].

Дискретность психологического портрета героя модернистской литературы переносится на пространственную и временную ткань нарратива, при этом речь идет не о сложности архитектоники, а о несовершенстве темпоральных и топологических ощущений автора. Логика рассуждения довольно пространна – согласно ей мы должны заключить, что ранние романы более продвинуты и развиты в смысле передачи и описания пространства-времени, чем современные тексты. Но это противоречит фактической ситуации.

Хронотическое единство романа в исходных его модификациях является не более чем литературоведческой конвенцией. Ранние крупноформатные образцы в вопросах передачи локационных и хронологических взаимодействий изначально деструктурированы и представлены в большинстве своем циклами новелл и рассказов. На следующих этапах развития прозаического мышления появляются возможности передачи пространственных ощущений, и долгое время любой роман представлял из себя перенос главного героя и, соответственно, наблюдающего за ним автора из одной локации в другую. Эти переносы и составляли суть прозаического произведения крупного формата, и говорилось в подобных сюжетах только о пространственных перемещениях. Так, в

«Декамероне» и «Гентамероне» временная последовательность, как таковая, отсутствует – она лишь подразумевается в «зазорах» между новеллами цикла.

Можно с уверенностью утверждать, что описание времени, хронологическая фиксация его в повествовательной ткани – это позднейшее приобретение прозаического изложения. С этой точки зрения наличие более чем одного временного пласта в сюжете – очевидный прогрессивный признак. А увеличение временных континуумов по ходу развития сюжета может служить достаточно уверенному помещению произведения на ближнем краю эволюционной шкалы. Возрастание хронотопической сложности долгое время было незаметным признаком развития, и анализ параметров этой сложности – дело, требующее своих методов и систем подсчета, но сегодня вполне возможно предварительное, упрощенное рассмотрение темпоральной структуры текста по сравнительно простому и очевидному признаку – чем больше временных позиций, или, в определении Гаспарова – «контрапунктов» [Гаспаров 1993: 243–244] мы наблюдаем в тексте, тем более он совершенен с точки зрения эволюционных показателей.

И в этом аспекте роман «Айсанат» более чем показателен и иллюстративен. Следуя формальному замыслу автора, мы рассмотрели текст по главам и получили, в принципе, ожидаемые и прогнозируемые результаты. Был произведен элементарный механический подсчет реперных точек, при том, что таковыми приняты любые моменты смены времени описания событий, выраженные в глагольных формах, – в основном с помощью средств грамматики, но также пришлось учитывать хронологические дислокации, представленные читателю содержательным планом текста.

Глава первая романа «Айсанат» является точкой кольцевого смыкания сюжета – героиня возвращается в прежнюю локацию после долгих лет отсутствия, встречается с одним из героев – знакомым ей в далеком прошлом. Замыкание сюжета подразумевает совмещение, как минимум, двух временных пластов.

Образ Петра сюжетообразующим не является, и потому временные реперные точки определяются в пространственно-хронотопических локациях: арбаздан мыдахланыб чыгъады Айсанат (Айсанат, погрустнев, вышла со двора...), къартны эслейди (замечает старика), къатына джууукълашыб (подойдя поближе), саламлашады (здравствует), («Сизмисиз?» – деб къучакълайды («Это вы?» (говоря/уточняя) обнимает, садится, слушает» (с. 5).

В экспозиционной части главы темпоральные компоненты, сверх актуального времени и сиюсекундного, длящегося в настоящий момент повествования действия, отсутствуют.

Глава четвертая включает действия трех актантов, каждый из которых эпизодическим не является. Кроме того, один из них – Морозов присутствует в двух хронообъемах в силу апелляций к его революционному прошлому.

Отдельную роль играет экскурс в изолированный хронотоп повествования – монастырь, подкрепленный кратким описанием его обитателей. Таким образом, временные реперные точки определяются в ситуациях изолированного хронотопа. Внимание читателя распределено между двумя временными уровнями – настоящим и прошлым. С точки зрения форм прошлого времени мы видим минимум две предикативные схемы – прошлое прошедшее и прошлое дляющееся,

представляемые не грамматическими средствами, а семантикой предложений: «был соратником, теперь (стал) – воспитателем, расположен душой» (с. 33).

Глава седьмая. Возвращение Далхата после встречи с Айсанат, его мысли по поводу возможной конкуренции с Анзором за любовь девушки. Три сквозных персонажа, двое из которых воплощены в двух хронологических объемах. Добавочное содержание обеспечивается пребыванием всех героев в изолированном хронотопе – сне Далхата, в котором все персонажи активны (с. 45–46). Временные реперные точки: прошлое, настоящее время, а также неопределенное постоянно длящееся.

Глава десятая. Сборы Айсанат, ее будущий отъезд из Ленинграда (с. 58–59). Три сквозных персонажа: Катя в простом прошедшем и предполагаемом будущем, Айсанат, Калинин, действующие в прошлом и настоящем. Временные реперные точки: всего пять, в отрывке присутствует диалоговый эпизод, по определению сочетающий в себе констатацию прошедшего и настоящее нарратора.

Глава тринадцатая. Один сюжетообразующий герой – Айсанат, пребывающий в актуальном настоящем времени. Описание погоды и игр детей независимым сторонним нарратором. Временные реперные точки: «...Кюн таякъла тубанладан чыгъалмай къаладыла... (Солнечные лучи не смогли выйти/выбиться через гущу облаков/тумана), «кёк да кюкюreb тебрейди да... (начинается гром/небо начинает отрыгивать...), кюню таурухлу болады... (его) жизнь преображается (становится сказочной/легендарной), тышына чабадыла (выбегают наружу), арбазда джортадыла (снуют по двору), джюрги гып-гып этеди (сердце бьется-тревожится/делает «гып-гып»), джууаб джазаргъа таукелленмейди (написать ответ не решается), ангылайды (понимает), кёрюнеди къыз (видится девушка), юсю бла атлаб... (перешагнув через...), кёреди да (увидел (только что)), джарыйды (обрадовался/посветлел) (с. 88).

Глава шестнадцатая. Сговор в доме Ахмадии. Повествование от лица независимого рассказчика, три активных героя в прошедшем времени. Временные реперные точки: заранлыны джетдирмей къоймайдыла (не успокаиваются, пока не насолят (сделают плохое), кёб аманлыкъ этедиле (много плохого делают), табыладыла зарла (встречаются завистники), от сала айланнганла (провокаторы/ходящие поджигая (огонь), ангылайлмай барабыз (идем, не понимая), ...заман а тохтаусуз ётеди (...а время безостановочно идет), айтыгъыз (скажите/говорите), кёзюню къыйырын джетдиреди (краем глаза поглядывает) (с. 103–104).

Глава девятнадцатая. Этикетный и этический конфликт. Оклеветанная Айсанат в жестком диалоге с Петром. Сторонний нарратор и два героя – Вера и Айсанат, описываемые в длящемся настоящем времени. Временные реперные точки: тауушсуз джукълайды (тихо/беззвучно спит), билмей къарайды да... (не зная посмотрел...), такъырланады, кёзлери джыламукъладан толадыла (растягивалась, глаза наполнились слезами), джукълар дыгаласха киреidi (пытается заснуть) «бораннга чыгъады» (выходит в буран) (с. 116–117) – доминирует настоящее время, и число временных форм невелико, но необходимо понимать, что речь идет о повествовании с минимальным числом взаимодействующих героев, что, конечно же, не увеличивает количества реперных точек, но повышает насыщенность ими объема текста.

Глава двадцать вторая. Приезд Далхата в Ростов, встреча с Айсанат, объяснение в любви, вести о несправедливо обвиненном отце Айсанат. Три сквозных героя, двое из них локализованы в трех временных пластиах – прошлом, настоящем и будущем, вахтер общежития – в настоящем длящемся. Повествование идет от лица независимого нарратора, присутствуют переходы точки наблюдения от нарратора к Далхату (с. 126–127). Темпоральная особенность главы – наличие фрагментов с неопределенной временной локализацией, например, «тубанинга бёленингенчады» (кто-то/что-то, словно обернувшись в туман) явственно обладает признаками прошлого времени (уже обернувшись когда-то), однако явление это существует в актуальном «сейчас». То же самое можно сказать еще о целом ряде ключевых (контрапунктных) хронологических глагольных точках данной главы.

Глава двадцать пятая. Сходка в лесу, сговор противников Советской власти, предварительный разговор Касбота и Муссабия, сомнения и тревоги последнего, убийство случайного свидетеля сходки. Экспозиционная часть главы – разговор Касбота и Муссабия. Два героя в длящемся настоящем, дистанция времени диалога, независимый нарратор. Временные реперные точки: шесть различных временных конструкций с выраженным тяготением к настоящему длящемуся, что мы склонны объяснять первичным происхождением этой части текста – сама центральная сцена, заключенная в открытом представлении читателю врагов советской власти, их визуальный облик, более похожий на фольклорные описания зоо- и антропоморфов, враждебных человеку (с. 151), совершенно немотивированные приступы эмоциональной неустойчивости: злой ввиду того что он враг – все это вместе говорит о том, что глава задумывалась и начинала писаться на первых этапах развития прозаических представлений, на стадии безальтернативного конфликта идеологического порядка, когда враг был безобразен и опасен в силу своего классового происхождения.

Глава тридцать первая. Описание пребывания в плена Хызыра, Шамиля и Акима. Медсестра Блокфризер, Халит. Хызыр – старший по блоку, его сознательная игра в нелюдимого и жестокого лидера. Подготовка к побегу. История взятия в плен (с. 194). Повествование от лица Хызыра и отстраненного повествователя. Хызыр, Шамиль и Аким существуют в двух пластиах повествовательного времени, медсестра – в прошлом завершенном, Халит – в настоящем длящемся. Общее количество временных глагольных моделей – шесть.

Обзор и подсчет предикативных схем романа «Айсанат» позволяет выделить в его сюжете два основных типа формального членения повествования. Первый – монохромные нарративные блоки, характеризующиеся ограниченным числом временных реперных точек, сравнимым с количеством действующих персонажей рассматриваемого фрагмента, в нашем случае – главы романа. Помимо малого количества контрапунктов и временных дислокаций подобные главы отмечены тяготением к простейшим темпоральным конструкциям, чаще всего – описанию явления и действия длящимся настоящим временем от лица повествователя, типа «он/она идет», «он/она стоит», «он/она делает», «он/она чувствует» и так далее. Но временные схемы подобного типа сопровождены в тексте простыми номинациями эмоционального плана без попыток детального

рассмотрения чувств и мотивации переживания героев. Таковые просто прямо констатируются. Кроме того, герои подобных эпизодов визуально интерпретируются и атрибутируются в этическом плане в привязке к их классовым и идеологическим позициям. Наиболее естественное и правдоподобное объяснение таких комплексных взаимосвязей выразительного, изобразительного ракурса со структурой хронопространственных представлений – предположение о том, что сюжетное завершение фрагмента отделено от его планирования годами творческого пути, итогом чего и стало наложение эстетических нормативов периода идеологических форм социалистического реализма на апперцептивные конструкции второго и даже третьего этапа эволюции национальной литературы. Второй тип содержательных эпизодов включает в себя разнообразные временные схемы с большим количеством темпоральных дислокаций, и, как правило, подобные фрагменты напрочь лишены каких бы то ни было признаков архаичной идеологической прозы первого этапа развития литературы. Наоборот, в подобных эпизодах автор демонстрирует высокий уровень художественного мышления, многообразие возможных истолкований того или иного момента, допустимых мотивировок поступков героев, убедительность образов. Вероятность того, что эти составляющие – абсолютное большинство содержательных блоков романа написаны А. Урусовой в пору ее творческой зрелости несомненно велика, они являются собой яркие примеры национальной прозы, прошедшей стадию форсированного развития и реабилитации этнической культурной и эстетической нормативики.

В целом необходимо отметить, что количество предикативных схем и первых хронологических точек по мере повествования романа возрастает, точнее говоря – увеличение порядкового номера очередной главы достаточно точно указывает на увеличение в ней временных переносов.

Анализ основ сюжетостроения и эволюционных стадий романа А. Урусовой «Айсанат» позволил прийти к выводу о том, что содержание некоторых частей романа (первая, тринадцатая, шестнадцатая и девятнадцатая главы) однозначно вписываются в координаты идеологической прозы довоенного периода, характер описания при этом недвусмысленно свидетельствует о том, что повествование сформировано в контексте прозы безальтернативного конфликта со всеми выразительными атрибутами таковой. Даже действия отрицательных героев имеют лишь опосредованную мотивацию, никак не соотносясь с эмоциональным фоном происходящего – например, практически беспричинный расстрел случайного свидетеля контрреволюционной сходки.

К таким же неожиданно выпадающим из общей нарративной канвы чертам текста можно отнести и фрагментарность сюжета и суверенные либо связанные весьма отдаленно сюжетные последовательности, ориентированные на разные событийные системы: становление женщины и Советская власть, история любовных взаимоотношений, Советская власть и контрреволюция, и т.д. Автор описывает жизни своих персонажей, не имея цели дать их полноценно и полноценно, а лишь знакомя читателя с кратким абрисом пути каждого отдельного образа. Однако при этом сам нарратив романа выглядит весьма и весьма зрелым, более того – новационным. Говоря «фрагментарность», мы не имеем в виду его

стохастические обрывы и неинтегрированные фрагменты, пребывающие в режиме полной автономности – так, как это нередко бывало в начальных формах идеологической прозы. Речь здесь о линейной и хронологической несоразмерности отдельных составляющих сюжета. Автор может на протяжении достаточно длительного времени вести жизненную траекторию своего героя, включая в нее определенные факты и события, а затем резко перейти к годам жизни персонажа, отстоящих от предыдущих на несколько лет, обозначив их лапидарной хронологической отсылкой «прошло столько-то». И здесь трудно определить алгоритм сюжетостроения романа: отсутствие жесткой последовательности считать – как с точки зрения наррации – просчетом, недостатком, либо – стратегическим выбором автора, или же следствием купирования (на момент издания романа), цензуры фрагментов, противоречащих общей идеологической концепции. Повторимся, и это вытекает из полученных вследствие анализа сюжетостроения и особенностей нарратива результатов, что роман «Айсанат» создавался в условиях разного профессионального состояния автора – от ангажированных стадий осмыслиения и интерпретации окружающего до развитых форм прозаического мышления.

Как следствие традиции безальтернативной прозы периода классового противостояния – то есть прозы довоенных лет – можно также воспринимать и скрипторы «отрицательных» героев. И хотя образы классовых врагов в романе А. Урусовой лишены бесспорных признаков внешнего уродства, они, тем не менее, вполне определяемы визуально, отмечены чертами облика, которые так или иначе свидетельствуют об их аксиологическом статусе в повествовании. Примечательно при этом, что нахождение тех или иных персонажей на шкале позитивности-негативности категорично.

Иногда визуальные черты отрицательных образов отсутствуют, будучи замещенными классовыми, идеологическими определениями: «...Эндиге дери да къан шоркъала кёб тёгюлген Къаракайда, энтда адам къаны эркин къуяргъя излегенледиле тёгерек тутуб олтургъанла. Областны эллеринден, станселеринден, ара шахарындан – барындан да бардыла былайда таша оноугъя къошулгъанла. Муссабий былайдагъыланы кёбюсюн таныйды. Олтурадыла, джамагъатха уллу аишылыкъ этерге тебрегенча, эки сёзню бир-бiri ызында джаза билмеген аманлыкъчи Къасбот, оруска да онглу окъуулу къазыкъбаши Шамат афенди, алгъыннгы пристав Таусолтан, алгъыннгы акъ абычар, атаманны болушуучусу Данай, Солтан афенди, Харун афенди, Сослан...» («...В кругу сидели те, кто и сейчас уже готов пустить кровь и так залитого кровавыми потоками Кара-чая. Из сел области, из станиц, из дальних городов – все они собрались здесь на тайный совет. Муссабий многих из них знает. Сидят, как будто собирались сделать большое благодеяние обществу: не способный два слова написать малограмотный Каспот, хорошо знающий русский язык тупоголовый (с головой, как кол) Шамат-эфенди, бывший пристав Таусолтан, бывший белый офицер, помощник атамана Данай, Солтан-эфенди, Харун-эфенди, Сослан...» [Урусова 1987: 153].

Но вместе с тем глоссариальное богатство, интерес писателя к языковому материалу – конкретно к архаичным лексемам и неологизмам, – очевидная презентативная особенность текста А. Урусовой. Обращаясь к опыту русской

литературы периода освоения новых идеологических и объектных реалий – литературе 20–30-х годов – а также к практикам национальных писателей, мы можем констатировать, что интерес к нетрадиционным, редко употребляемым единицам (и это не всегда полноценные слова – вспомним карачаево-балкарское «бу формада», «ол формада» у ряда авторов, например у С. Хочуева) и, вообще, редко посещаемым языковым слоям, особенно характерен и свойствен литературным системам, которые находятся в процессе активного роста, но в активе своем в обязательном порядке имеют достаточно устойчивую традицию эстетического мышления и рефлексии. Стремление к словотворчеству В. Маяковского и В. Хлебникова можно считать их стилеобразующей чертой – и тот, и другой, равно как и многие их собратья по перу, в первые десятилетия развития советской литературы были особенно внимательны к возможностям языка, по всей видимости, считая их недостаточными.

Естественно, в таких вопросах особое значение имеет самопозиционирование художника, его ощущение своей выделенности из общей культурной среды народа, понимание своей лидерской роли, роли первопроходца в процессе реабилитации этнического самосознания. Пример вышеуказанных советских поэтов более чем показателен. Но и в карачаево-балкарской литературе в части локализации на шкале литературного прогресса необходимыми параметрами эволюционного плана обладали в первую очередь такие авторы, как А. Уртенов, А. Урусова, Н. Кагиева, А. Теппев, З. Толгиров, Х. Шаваев. Хотя З. Толгиров и А. Урусова, скорее всего, не статуировали себя в качестве этнических пассионариев и обращались к словотворчеству, возможно, в те моменты, когда им не хватало максимально точечных номинаций. В этом смысле показательно введенное З. Толгировым в научный оборот понятие «сатанайлыкъ» (предполагающее обладателя существенного объема качественных положительных характеристик (свойственных Сатанай – героини Нартского эпоса) как определение эталонного идеала женщины, а также ряд слов, приобретших качество терминов [Толгиров 2018].

Заключение

Таким образом, произведение А. Урусовой возможно атрибутировать как особую типологическую разновидность романа, отмеченную полистадиальностью, присутствующую, главным образом, в литературах народов, подвергшихся депортации в годы сталинского правления. Исследование архитектоники образного строя, структурно-содержательной компоненты, синтаксиса и речевого богатства, обнаруживающихся в отмеченных профессиональным подходом эпизодах и главах, позволяет прийти к выводу об очевидных репрезентативных эволюционных подвижках романного нарратива А. Урусовой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гаспаров 1993 – Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки истории русской литературы XX века. – М.: Наука, 1993. – 304 с.

Головкина 2012 – Головкина Н.Л. Институциональные изменения в системе управления художественной культурой в СССР (30-е годы XX в.) // Государственное управление.

Электронный вестник. Вып. 30. 2012 [Электронный ресурс] URL:http://dx.doi.org/http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012Golovkina.html (дата обращения: 13.09.2024).

Добин 1956 – Добин Е.С. Жизненный материал и художественный сюжет. – Л.: Советский писатель, 1956. – 232 с.

Кралечкин 2018 – Кралечкин Д.Ю. Хайдеггер: Заговор против реальности // Логос. – Т. 28. – 2018. – № 3. – С. 7–50 [Электронный ресурс]. File:///C:/Users/3/Downloads/haydegger-zagovor-protiv-realnosti.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

Панеш, Шаззо 2018 – Панеш У.М., Шаззо Ш.Е. Об истоках новописьменной литературы (на материале адыгских литератур) // Вестник АГУ. – Вып. 3 (222). – 2018. – С. 163–168.

Святополк-Мирский 2006 – Святополк-Мирский Д.П. Возрождение художественной прозы после 1921 года // Святополк-Мирский Д.П. (Мирский Д.П.). История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Т. 2. Современная русская литература (1881–1925). – Новосибирск: Изд-во «Свинын и сыновья», 2006. – С. 104–108.

Святополк-Мирский 2014 – Святополк-Мирский Д.П. Политика и эстетика (К пленуму правления ССП. Обсуждаем вопросы критики). 1934 // Святополк-Мирский Д. П. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937 / сост., подгот. текстов, comment., материалы к библиографии Коростелёва О. А. и Ефремова М. В.; вступ. ст. Смита Дж. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 281–287.

Толгурев 2008 – Толгурев З.Х. Миллет эс bla миллет литература (Национальное сознание и национальная литература). На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 312 с.

Узденова, Толгурев 2024 – Узденова Ф.Т., Толгурев Т.З. Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. Урусовой «Айсанат» // Бюллентень Калмыцкого научного центра РАН. – 2024. – № 3. – С. 87–105. – DOI: [10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105](https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105)

Урусова 1983 – Урусова А.М. Айсанат: роман-дилогия. Кн. 1. На карач. яз. – Черкесск: Карабаево-Черкесское отд-ние Ставроп. книжного изд-ва, 1983. – 272 с.

Урусова 1987 – Урусова А.М. Айсанат: роман-дилогия. Кн. 2. На карач. яз. – Черкесск: Карабаево-Черкесское отд-ние Ставроп. книжного изд-ва, 1987. – 272 с.

Чекалов 2025 – Чекалов П.К. Роман Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 229–246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246.

Шкловский 1929 – Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 268 с.

REFERENCES

GASPAROV B.M. *Literaturnyye leymotivy. Ocherki istorii russkoy literatury KHKH veka* [Literary Leitmotsifs. Essays on the History of Russian Literature of the Twentieth Century]. – Moscow: Nauka, 1993. – 304 p. (In Russ.).

GOLOVKINA N.L. *Institutsional'nyye izmeneniya v sisteme upravleniya khudozhestvennoy kul'turoy v SSSR (30-ye gody XX v.)* [Institutional Changes in the System of Artistic Culture Management in the USSR (1930s)]. IN: *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. Issue 30. 2012. URL: http://dx.doi.org/http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012Golovkina.html (accessed: 13.09.2024). (In Russ.).

DOBIN E.S. *Zhiznenny material i khudozhestvenny syuzhet* [Vital material and artistic plot. – Leningrad: Soviet writer, 1956. – 232 p. (In Russ.).

KRALECHKIN D.YU. *Khaydegger: Zagovor protiv real'nosti* [Heidegger: Conspiracy against Reality]. IN: Logos. – Vol. 28. – 2018. – No. 3. – Pp. 7–50. File:///C:/Users/3/Downloads/haydegger-zagovor-protiv-realnosti.pdf (date accessed: 15.06.2024). (In Russ.).

PANESH U.M., SHAZZO SH.E. *Ob istokakh novopis'mennoy literatury (na materiale adygskikh literatur)* [On the origins of Newly Written literature (Based on Adyghe Literatures)]. IN: Bulletin of ASU. – Issue 3 (222). – 2018. – Pp. 163–168. (In Russ.).

SVYATOPOLK-MIRSKY D.P. *Vozrozhdeniye khudozhestvennoy prozy posle 1921 goda* [The revival of fiction after 1921]. IN: Svyatopolk-Mirsky D. P. (Mirsky D.P.). IN: *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god. T. 2. Sovremennaya russkaya literatura (1881–1925)*.

[History of Russian literature from ancient times to 1925. Vol. 2. Modern Russian literature (1881–1925)]. – Novosibirsk: Publishing House "Pig and Sons", 2006. – Pp. 104–108. (In Russ.).

SVYATOPOLK-MIRSKY D.P. *Politika i estetika (K plenumu pravleniya SSP. Obsuzhdayem voprosy kritiki)*. 1934 [Politics and Aesthetics (To the plenum of the Board of the SSP. We discuss issues of criticism). 1934]. IN: Svyatopolk-Mirsky D.P. *O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii 1922–1937* [On literature and art: articles and reviews 1922–1937]; comp., prepared. texts, commentary, materials for the bibliography of Korostelev O. A. and Efremov M. V.; introduction by Smith J. – Moscow: New Literary Review, 2014. – Pp. 281–287. (In Russ.).

TOLGUROV Z.H. *Millet es bla millet literature* [National consciousness and national literature]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 312 p. (In Karachay-Balkarian).

UZDENOVA F.T., TOLGUROV T.Z. *Arkhitektonika novopis'mennogo romana: osobennosti narrativa i evolyutsionnyy status dilogii A. Urusovoy «Aysanat»* [Architectonics of the newly written novel: narrative features and the evolutionary status of A. Urusova's dilogy "Aisanat"]. IN: Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – No 3. – Pp. 87–105. – DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105/ (In Russ.).

URUSOVA A.M. *Ajsanat: roman-dilogia* [Aisanat: a novel-dilogy]. Book 1. – Cherkessk: Kara-chay-Cherkess department Stavropol. Book publishing house, 1983. – 272 p. (In Karachay-Balkarian).

URUSOVA A.M. *Ajsanat: roman-dilogia* [Aisanat: a novel-dilogy]. Book 2. – Cherkessk: Kara-chay-Cherkess department Stavropol. Book publishing house, 1987. – 272 p. (In Karachay-Balkarian).

CHEKALOV P.K. *Roman KH. D. Zhirova «Probuzhdeniye gor»* [Novel by H. D. Zhirova "The Awakening of the Mountains"]. IN: Kavkazologiya. – 2025. – No. 1. – Pp. 229–246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. (In Russ.).

SHKLOVSKY V.B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. – Moscow: Federation, 1929. – 268 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Т.З. Толгурев – доктор филологических наук.

Information about the authors:

F.T. Uzdenova – Doctor of Sciences (Philology).

T. Z. Tolgurov – Doctor of Sciences (Philology).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принятая к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.